

СТАТЬИ

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПАРИК И АРЕНДАТОР

В последние годы в византиноведческой литературе все более часто высказывается мысль о том, что институт парикки IX—XII вв. генетически связан с колонатом позднеримской эпохи, в особенности с арендой свободных колонов¹.

Как известно, в довоенной и послевоенной историографии в спорах между марксистами и немарксистами по вопросу о сущности общественного строя Византии (феодализм или этатизм) противники «феодалистской концепции» (а ее авторы и сторонники — главным образом советские ученые) указывали как на решающий аргумент на отсутствие в Византии вассально-ленной системы, рассматриваемой в качестве структурообразующего феномена средневекового западноевропейского общества. Историки-марксисты, не отвергая полностью значение этого вопроса для суждения о характере общественного строя Византии IX—XV вв., считали (как, впрочем, считают и в настоящее время), что при исследовании указанной проблемы преимущественного внимания заслуживает не вассально-ленная система, а сеньория, так как подавляющее большинство населения в средние века (крестьянство) находилось вне феодальной иерархии и жизнь его определялась не вассально-ленными отношениями, а сеньорией.

Для двух последних десятилетий можно с удовлетворением констатировать, что вопрос об отношениях крупного земельного собственника с крестьянином-держателем его земли признан и историками-немарксистами центральным для суждения о характере общественного строя Византийской империи. Наиболее четко это признание высказано Н. Звоносом и И. Караяннопулосом².

¹ См., например: *Guillou A.* Transformations des structures socioéconomiques dans le monde byzantin au VIIIe siècle // ZRVI. 1980. T. 19. P. 75 et suiv.; *Kaplan M.* L'Exploitation paysanne byzantine entre l'antiquité et le moyen-âge (VIe—VIIIe siècles): Affirmation d'une structure économique et sociale // From Late Antiquity to Early Byzantium. Pr., 1985. P. 101—105; *Литаврин Г. Г.* Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX—XII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. М. 54—64 (доклад, прочитанный на конференции в 1982 г.).

² *Svoronos N.* Essais sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation // Annales. 11-e année. Juillet-septembre. 1956. N 3. P. 327—328; *Karayannopoulos J.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion: Festschrift Fr. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S. 320 f; *Idem.* Rez. on: *Ostrogorskij G.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956 // BZ. 1957. Bd. 50. S. 167—170; *Καραγιαννopoulos Ι.* Τὰ Βυζαντινὰ κράτος. Ἀθήνα, 1983, Σ. 144—146, 162—163.

В данной краткой статье мы не намерены поднимать проблему соотношения колоната и парикии в ее полном объеме. Наша цель — высказать несколько замечаний относительно черт сходства и отличия между свободной поземельной арендой и парикией в Византии X—XII вв.

Хотелось бы, однако, сделать предварительно одну оговорку. Дискуссия между сторонниками теории феодализма и концепции этагизма весьма часто и, к сожалению, до сих пор напоминает диалог глухонемых. Причем, согласно нашим наблюдениям, гораздо более осведомленными в старой и новейшей историографии по аграрным отношениям в Византии являются историки-«феодалисты»: Вести спор по существу проблем византинистам-«этагистам» мешает сплошь и рядом весьма элементарное обстоятельство — они попросту не знают современных исследований по аграрным проблемам, написанных на русском языке и основанных на всесторонней интерпретации всего доступного в настоящее время материала источников. В лучшем случае «кусваивается» какой-либо из наиболее общих (и нередко — не главных) выводов. Конкретный же анализ, ход аргументации (в том числе существенные источниковедческие наблюдения) остаются вне поля зрения (понимания?) оппонентов. Зачастую самая дилетантская, поверхностная заметка на западных языках пользуется у маститых коллег автора упомянутой заметки гораздо большим вниманием, чем непосредственно относящаяся к делу основательная работа русского (советского) византиниста. Не без ставшего привычным юмора приходится сплошь и рядом читать — даже в серьезных исследованиях — изложение «советской точки зрения» по конкретным вопросам аграрной истории со ссылками на труды, изданные в СССР 40—50 лет назад. . . Существует, видимо, *стойкое предубеждение* о некоей «общепринятой» и «неизменной» концепции советских византинистов. Понятно поэтому, почему главным выразителем «феодалистской теории» в современном византиноведении, а вместе с тем и основной мишенью для критики избран Г. А. Острогорский. Примером такого подхода может служить вышедшая недавно и в целом весьма полезная обобщающая книга П. Шрайнера³.

Поэтому необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что «советская», а точнее, марксистская точка зрения на париков X—XII вв. может рассматриваться как единая лишь в двух пунктах: парики признаются феодально-зависимыми держателями чужой земли и эксплуатация именно париков считается главным источником доходов от крупной земельной собственности в Византии X—XV вв. Что же касается конкретных форм зависимости париков от земельных собственников (частных лиц и государства), официального юридического статуса париков, их экономического положения, уровня их эксплуатации, источников пополнения их состава, различий в их разрядах, их численного соотношения на разных этапах сравнительно со свободными крестьянами-собственниками земельных участков и т. п., то *мнения среди византинистов-марксистов* по этим вопросам *не менее разнообразны*, чем среди представителей любых других школ и направлений.

Опираясь прежде всего на работы И. Караяннопулоса, П. Шрайнер в упомянутой выше книге критикует «фантастические представления» Г. Острогорского. Чрезвычайно важно, что П. Шрайнер существо дела усматривает при этом в парикии, в трактовке этого института (заметим попутно, что статус парика автор считает «фискальным» — тезис, абсо-

³ Schreiner P. Byzanz. München, 1986. S. 37—38, 147—148.

лютно недоказуемый источниками). Возражая Г. Острогорскому (впрочем, не все эти возражения по адресу), П. Шрайнер утверждает: парикия — лишь вид аренды (хотя и официально не оформленной, бездоговорной — обстоятельство, на наш взгляд, автором не оцененное); парикия могла вести к частичной зависимости, но лишь главы семьи, а не всех ее членов, которые могли отделяться от семьи и сами арендовать землю: парик, помимо арендованной, мог иметь и землю в полной своей собственности; положение его определялось не только социальным статусом — среди париков существовали градации, их положение нельзя оценивать только негативно: они были заинтересованы в обработке земли и располагали излишками, реализуемыми на рынке; в XI—XII вв. парики составляли большинство сельского населения, а для поздней Византии, по мнению П. Шрайнера, этот вопрос остается открытым⁴. Заметим в скобках, что подавляющее большинство этих положений разделяют и советские византисты, что не мешает им оставаться «феодалистами».

М. Каплан также считает необходимым подчеркнуть, что парикия — лишь один из видов аренды, одновременно существовавших и не имевших сравнительно друг с другом каких-либо «фундаментальных отличий». Более того, подобного рода фундаментальные отличия он усматривает даже не между собственниками и арендаторами земли, не между крестьянами разного юридического (социального) статуса, а между земледельцами, располагающими разными экономическими возможностями (в частности, имеющими и не имеющими пахотные орудия), а также между тем, кто ведет комплексное хозяйство (является подлинно «трудящимся»), и тем, кто довольствуется выполнением простых задач («отбывает повинности»); поэтому имелись *несостоятельные* собственники и *богатые* арендаторы; византийская деревня представляется ему как поселение крестьян разного имущественного и социального статуса: это и мелкие земельные собственники, и арендаторы, совсем не имеющие своей земли и располагающие, помимо арендованных, также собственными участками, и зажиточные и бедные, и, по-видимому, усердные и ленивые. . .⁵

Подобного рода *деконструктивная* позиция в оценке значения парикии в аграрной истории Византии характерна не только для названных выше византинистов, не признающих феодального характера аграрных отношений в империи X—XV вв., — парикия предстает в трудах многих современных историков лишь как маловыразительный частный случай крестьянской аренды, не сыгравшей в истории Византии особой социальной и общественной роли⁶.

Действительно, парикия хотя и не идентична аренде, но самым непосредственным образом с нею связана, в определенном смысле ее можно рассматривать как особый вид поземельной аренды. Против этого заключения не возражал, в сущности, ни один историк-марксист, хотя предпочитал пользоваться при этом не термином «аренда», а понятием «держание».

Именно потому, что парикия была следствием аренды чужой земли, правовые отношения между париком и хозяином этой земли регулировались и в X—XII вв. официальными законоположениями об *арендных*

⁴ Ibid. S. 37, 147.

⁵ См.: *Kaplan M. Modalités et formes de la production dans les villages byzantines (VIe—Xe s.) // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress: Resumés der Kurzbeiträge.* Wien, 1981, Sub. nomine.

⁶ См. краткий обзор мнений: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия, 976—1081 гг. М., 1977. С. 7—42.

договорах вообще, хотя споры париков со своими господами и в связи с этим обращение к нормам официального права упоминаются в источниках чрезвычайно редко. Особых законов *именно о парическом аренде* в византийских правовых сборниках не существовало. В качестве обычного парическое право начало формироваться, по-видимому, уже в VI в., но Юстиниан I решительно отказался его кодифицировать как не имевшее прецедента в юриспруденции империи⁷. С тех пор в течение четырех столетий «парическое право» не упоминалось в сохранившихся источниках. С 20-х же годов X в. о пугающем центральную власть стремительном распространении парикии как уже хорошо известного византийскому обществу института будут постоянно в течение ста лет говорить новеллы императоров Македонской династии, пытавшихся ограничить или по крайней мере контролировать его отрицательные последствия для казначейства и боеспособности армии.

Разъяснения относительно сущности «парического права» именно как формы арендных отношений (без специальных указаний на ее специфику) сочли необходимым дать два крупнейших византийских юриста: магистр Косьма в X в. и Евстафий Ромей в XI в. Документы эти хорошо известны специалистам. Относительно недавно они детально еще раз прокомментированы Г. Вайсом⁸.

Напомним коротко содержание этих документов. Косьма определяет парическое право как обычное, противопоставляя его официальным законодательным нормам, регулирующим порядок аренды земли, в том числе длительной (эмфитевтической). В соответствии с парическим правом, берущие чужую землю для обработки *обязательно поселяются на ней, устраивают на ней свое жилище и двор*. За пользование землей они вносят господину земли плату. В случае, если они захотят уйти с земли господина, они имеют право взять с собой материал воздвигнутых ими построек, но не могут ни продавать, ни как-либо иначе отчуждать предоставленную им землю. *Господин земли*, говорит Косьма, *волен в любое время прогнать париков со своей земли*. Косьма не касается вопроса об условиях, при которых парик приобретает на арендованную землю право прочного (вечного) владения (это условие — непрерывное владение арендованным участком данной парической семьей в течение 30 или, для земель духовенства, 40 лет, — несомненно, юрист имел в виду как широко известное). Подробно и специально об этом сказано Евстафием Ромеем, подчеркнувшим, что после 30 лет непрерывного владения участком и добросовестного внесения за него платы парик становится «как бы господином» этой земли, не прекращая, однако, и впредь сам или его наследники вносить плату.

Справедливо усматривая в сравнении арендатора и парика наиболее эффективный путь уяснения сущности парикии, Г. Вайс концентрирует, однако, внимание в основном на двух упомянутых документах и занимается скорее вопросом о происхождении парического права, чем реальными условиями парического держания, как они предстают перед нами на основании показаний актов того материала X—XII вв.

Справедлива также и констатация Г. Вайса, что для убедительного решения проблемы были бы абсолютно необходимы подлинные арендные

⁷ См.: Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium: From the Origins to the Twelfth Century. Galway, 1979. P. 181.

⁸ Weiss G. Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Parökenrecht // Byz. 1979. T. 48. P. 477—500; *Idem*. Hohe Richter in Konstantinopel: Eustathios Rhomaios und seine Kollegen // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 117—143.

договоры той эпохи, которые, однако, странным образом сохранились (и также в весьма небольшом числе) только от южноиталийских провинций Византии X—XI вв. В свое время они были внимательно изучены А. П. Кажданом⁹.

Сколь ни скуден материал источников, представляется тем не менее возможным обобщить некоторые наблюдения относительно сходств и различий в положении *арендаторов вообще и арендаторов на основе парического права*.

Поскольку, как упоминалось, держание парика само по себе представляет собою лишь особый вид аренды, черты сходства парической аренды и с краткосрочной, и с эмфитевтической арендой значительны. Прежде всего парики, как и любые другие арендаторы и крестьяне-собственники своих участков, являются юридически совершенно свободными людьми, гражданами империи ромеев. Они обладали даже признанным законом правом судиться со своим господином, если он допускал в отношении к ним произвол, издевательства, незаконные поборы. Евстафий Ромей рассказывает в «Пире» о том, как парики (видимо, в первой трети XI в.) возбудили против своего господина, малоазийского магната Склира, судебное дело и выиграли этот процесс¹⁰. Свободный статус париков в отличие от всех разрядов позднеимперских колонов подчеркивает в своем исследовании и Г. Вайс¹¹.

Выполнив свои обязательства перед господином, вытекающие из использования ими чужой земли, парики, как и арендаторы любого другого разряда, могли разорвать с ним всякие связи и покинуть его владения. Так, согласно Патмосской писцовой книге 1073 г., парик Иоанн Диаксин Феологит «переселился из поместья» и некогда обрабатывавшаяся им земля оказалась заброшенной¹². Не только парики, но и арендаторы-узуфруктуарии могли селиться на земле господина и даже несли в его пользу отработочные повинности¹³. Как и парик, арендатор любой иной категории также обретал (через 30 лет) на арендуемую землю права прочного наследственного владения¹⁴. Источники X—XII вв. последовательно свидетельствуют о том, что и при аренде (как частной, так и государственной) земли, и при получении парического держания предполагалось, что в отличие от государственного налога (он взимался из расчета одна номисма с земли первого качества площадью в 24 модия) пакт (арендная плата) и хоропакт (взнос парика за держание) берутся по одинаковой, более высокой норме: одна номисма с 10 модиев. Упомянутый парик Иоанн Диаксин Феологит платил господину за 230 модиев 24 номисмы¹⁵. Арендные отношения, в которые вступил один из членов крестьянской семьи, не распространялись юридически на всех остальных членов семейного коллектива (если речь не шла о наследнике, обретавшем все права, но и бравшем на себя все обязательства предшествующего владельца). Хотя в налоговых описях частных имений иногда указывались и другие члены каждой парической семьи, само число париков

⁹ Каждан А. П. Деревня и город в Византии X—IX вв. М., 1960. С. 89—96.

¹⁰ Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 275—277.

¹¹ Weiss G. Die Entscheidung. . . S. 487.

¹² Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 54.

¹³ Каждан А. П. Деревня. . . С. 61, 87.

¹⁴ Practica ex actis Eustathii Romai // Jus Graeco-Romanum // Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Roma, 1895. P. 22, 24.

¹⁵ Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 54.

в государственных описях поместья определялось чиновниками как число только париков-домохозяев, т. е. глав семейств. Право владеть семьями париков, в которых взрослые (и женатые) сыновья не отделились от родителей, предоставлялось лишь как привилегия¹⁶.

Для понимания существа дела *важнее*, однако, как мы в этом убеждены, не черты сходства парического держания с арендами других видов, а его *отличия*, специфика, *реальное* положение парика, как нашедшее отражение в официальном законодательстве, так и юридически оставшееся вне сферы действия официального права. Ниже мы коротко остановимся на этих особенностях, оговорившись, что отнюдь не исключаем того, что они формировались постепенно, что парическое право пережило несколько этапов своего развития. Но установить эти этапы и последовательность появления специфических черт парической аренды невозможно из-за недостатка источников.

Прежде всего — нет не только сохранившихся договоров париков с их господами, нет никаких и упоминаний на этот счет в источниках. Повторим еще раз: сохранилось лишь несколько арендных, но не парических договоров из Южной Италии, есть и официальные статьи действовавшего в Византии закона об аренде, есть и упоминания в источниках о соглашениях об аренде — «*письменных и неписьменных*» (курсив наш. — *Г. Л.*), как сказано в «Прохионе»¹⁷. Нам представляется этот факт не случайным. Арендный договор официально регулировался государственными властями, как намекает на это и Косьма в своем Первом решении, противопоставляя аренде «парическое право». Соблюдение условий аренды обеими сторонами гарантировалось властью, лежало в сфере публичного права. Напротив, соглашение парика с господином оказывалось с самого начала в сфере частноправовых сделок. Государство в лице представлявшего его на местах чиновничества вмешивалось в отношения господ с париками лишь в той мере, в какой это касалось (в случае отсутствия у господ налоговой экскуссии) уплаты налогов в казну с парических хозяйств (стасей). Власти регулировали размеры димосия и иных платежей с париков в пользу фиска (это находило отражение в налоговых регистрах), но их совершенно не интересовали размеры хоропакта, т. е. парической платы господам за держания, и иные повинности в пользу своих господ (эти выплаты и обязательства не фиксировались в кадастрах). В конечном счете здесь все зависело от воли собственника земли, чаще всего самостоятельно совершавшего операцию поселения париков в своем владении, в особенности когда речь шла о так называемых «неплатежных» (*ἀτελεῖς*), «не имеющих собственной земли» и не числящихся поэтому в налоговых описях казны. Хозяин в таких случаях давал таким парикам (согласным на любые условия, чтобы избавиться от нищеты) не только земельный участок, но и семена, и скот, и инвентарь, а возможно, и жилище. Чиновники лишь «задним числом» проявляли к таким парикам служебный интерес как к ставшим хозяйственно состоятельными (зевгаратами или voidатами), т. е. подлежащими налогообложению, если господин не получил на этот счет освобождения от императора.

Из Патмосской писцовой книги (1073 г.) и из выписки из налоговой

¹⁶ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1974. С. 102—109; *Он же.* Византийское общество. . . С. 29.

¹⁷ *Prochiron Legum / Publ. cura di F. Brandileoni e V. Puntoni.* Roma, 1895. P. 80.

описи по поводу экскуссии села Радолюбо в пользу его господина (1098 г.) с несомненностью следует, что хоропакт никакой своей частью не входил в совокупную сумму налога парического села (ридзу), а следовательно, не подлежал и государственному регулированию¹⁸. Лишь в связи с уплатой париками синоны и капникаона в казну или (вместо нее) пользующемуся налоговой экскуссией господину парик находился также в сфере публичноправовых отношений, но эти государственные подати составляли отнюдь не главную, а в несколько раз меньшую часть совокупных взносов и повинностей парика, связанных с его держанием.

В отличие от арендатора, обычно имевшего до заключения договора свой дом и двор, парик непременно поселялся на земле господина. От отношений с ним зависели сами условия его ежедневной жизни. Несмотря на право парика уйти от господина, случаи таких уходов в источниках фиксируются крайне редко: переселение было всегда связано с дополнительными материальными затратами. Чаще говорится в источниках о бегстве частновладельческих крестьян, отчаявшихся выбиться из нищеты.

Кроме того, согласно точному смыслу Первого решения магистра Космы, парик до наступления срока в 30 лет непрерывного владения (или в 40 лет на земле духовных учреждений) мог быть прогнан господином в любой момент, так как находился там только «по его воле и желанию»¹⁹. Положение же арендатора определялось договором; даже нарушив соглашение и не уплачивая ничего хозяину земли, он имел право пользоваться арендованной землей в течение 2—5 лет²⁰.

Плата арендатора была фиксирована в договоре. В отношении же парика все здесь зависело либо от обычной места, либо от моральных установок господина: полководец Григорий Бакуриани гордо заявлял в написанном им типике монастыря, который он основал, что не отягчал «сверх меры» своих париков при строительстве монастыря²¹. Напротив, известный историк Михаил Атталиат писал в типике для основанного им монастыря, что взносы от париков не должны оставаться неизменными — их нужно повышать, если повышалось благосостояние париков (господин подражал при этом официальным властям в их действиях по раскладке и взысканию налогов, а не контрагенту арендатора, связанному на этот счет условиями договора)²².

Как было сказано выше, парик считался юридически свободным и полноправным гражданином империи. Однако с этой констатацией далеко не просто согласовать некоторые конкретные данные о повседневной жизни парика в реально окружавшей его действительности. Оказывается, господин парика мог менять не только размеры оплаты за держание, но и самые формы (виды) повинностей крестьян: Бакуриани, освободив одного из своих париков ото всех иных его обязанностей, заставил его обслуживать построенный господином при монастыре странноприимный дом²³. Такое по отношению к обычным арендаторам представляется нам немислимым: никаким предварительным соглашением такие перемены не могли быть предусмотрены.

¹⁸ Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 54—56, 89—91.

¹⁹ Weiss G. Die Entscheidung. . . S. 480.

²⁰ Prochiron. . . P. 83—84; Practica. . . P. 42—43.

²¹ Литаврин Г. Г. Болгария. . . С. 202.

²² Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 89.

²³ Литаврин Г. Г. Болгария. . . С. 202.

Вряд ли было допустимо также насильственное переселение своих арендаторов собственником земли при обычной аренде. А о переселениях *париков* упоминает уже магистр Косьма, замечая при этом, что на подобные факты обращал внимание сам император Василий II Болгаробойца²⁴. О переселениях *париков* говорится и в типике монастыря Богородицы Космосотиры (середина XII в.) — перенос домов и подворий *париков* на новое место иногда затруднял *парикам* доставку урожая «к своим домам»²⁵. Отнюдь не случайно, по-видимому, господа при поселении на своей земле *париков* устанавливали срок их пребывания в поместье в 29 лет: чтобы не допустить приобретения *париком* (через 30 лет) в соответствии с законом права наследственного владения, чтобы сохранить возможность более свободного изменения условий *парикии* и, вероятно, для того, чтобы, перемещая *парические* стасы, превратить в культивируемые больше своих залежных земель.

Чувствующие свою силу и влияние крупные местные землевладельцы использовали порой *париков* как орудие захвата чужих земель: поселил *париков* на чужой земле, а затем объявил эту землю своей Панкратий Анема; расселил на казенной земле своих бесхозных *париков* и монастырь Богородицы Милостивой (затем он сумел получить эту землю в дар от императора); Лавра св. Афанасия поселила своих *париков* на земле общины Адрамери, была привлечена к суду, проиграла процесс, была вынуждена выкупить у общины землю, занятую *париками*, за 72 номисмы. Но любопытно, что сами эти *парики* (послушное орудие монастыря) не участвовали в процессе, не привлекались даже как свидетели, т. е. рассматривались как подневольные люди, выполняющие волю своего господина (Лавры)²⁶. *Парики* переходили из рук в руки как принадлежность поместья при дарениях, конфискациях, продажах земли: бывали случаи, когда в течение нескольких лет *парики*, оставаясь на одном месте и сохраняя свой статус, сменяли трех-четыре господ²⁷.

Париков (вместе с землею) обменивали: архиепископ Болгарский Феофилакт Ифест выменял целую деревню государственных *париков* (с этого момента они стали *париками* церкви) на принадлежавшие архиепископии пастбища²⁸. Иногда при обмене *парика* с его стасью приравнивали к какому-либо доходному объекту (к мельнице или саду)²⁹.

Заслуживает особого внимания тот факт, что при отсутствии детей и внуков у *парической* четы ее имущество переходило к господину: ни один из других его родственников (даже брат) не мог унаследовать выморочную *парическую* стась. Все это ставит под вопрос признанную как будто официально правоспособность *парика* (в отличие от статуса иных арендаторов) в составлении завещаний, в наследовании и в передаче имущества по наследству. Правда, ясные свидетельства на этот счет содержатся в относительно позднем акте — от 1331 г.³⁰ Но предполагать, что эта норма «*парического* права» существовала и раньше, позволяет акт от 1079 г.,

²⁴ Weiss G. Die Entscheidung. S. 492. Вайс полагает, что фраза, в которой говорится о Василии II, темная (неясно, осуждал ли это император или сам поступал таким образом). В отличие от Вайса мы считаем однозначно: осуждал.

²⁵ Литаврин Г. Г. Болгария. . . С. 203.

²⁶ Литаврин Г. Г. Византийское общество. . . С. 94—95.

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Литаврин Г. Г. Болгария. . . С. 166—172.

³⁰ Archives de l'Athos: Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomidès. Texte. P., 1984. N 11. P. 117—119.

предписывающий впредь пополнять число освобожденных от казенных налогов париков Лавры «не иначе, как из их детей и внуков»³¹.

Константин VII Багрянородный утверждал в своей новелле от 947 г., что эксплуатировать землю можно либо с помощью париков, либо посредством наемных работников³². Источники убеждают нас в том, что землевладельцы в Византии X—XII вв., хотя и не отказывались от найма сельскохозяйственных, сезонных и постоянных, работников, предпочитали все-таки извлекать доходы из земли, передавая ее в держание именно парикам. Недаром в актах дарения земли императором неизменно (или как правило) идет речь одновременно и о париках, которые необходимы для обработки этой земли. Недаром в соборном определении 1073 г. строго предписывалось, чтобы церковные земли впредь не передавались никому, кроме «своих париков и клириков»³³. Точно такое предписание дает Бакуриани в своем типике монахам основанного им монастыря³⁴.

Обладание именно париками гарантировало крупным земельным собственникам постоянные рабочие руки и более высокие доходы. Анализ Патмосской писцовой книги показывает, что парические стаи представляли собой главную ценность поместья: из 307 номисм ежегодного дохода от поместья эксплуатация 48 парических семей приносила не менее 270 номисм. Меньшая защищенность парика со стороны официального права открывала больше возможностей для более интенсивной их эксплуатации. Недаром столь ожесточенной была борьба внутри господствующего класса и между государством и динамиями в X—XI вв. за обладание париками. Недаром парикии страшились как несчастья и как унижения.

В заключение хотелось бы поставить вопрос перед исследователями, не видящими принципиального различия между арендой (чисто земельной, экономической зависимостью) и парикией. Хотелось бы узнать, наконец, на основании каких зафиксированных источниками фактов они делают вывод, что отмеченные выше особенности в положении парика (независимо от того, были или не были они юридически оформлены) были свойственны также и положению арендаторов каких-либо иных категорий. Приведенные нами выше свидетельства позволяют, по нашему мнению, утверждать, что правоспособность париков в реальной действительности была ограничена, что их зависимость была не только экономической, но и личной, как бы это ни противоречило официальному праву и как бы сама зависимость, сравнительно с западными серважем и крепостничеством, ни была слабой. Тот факт, что и в X—XII вв. и позднее сохранялся значительный слой свободных крестьян — мелких собственников, не мешает нашим заключениям о феодальном характере крупного (по имперским нормам) землевладения в Византии: парики составляли главную рабочую силу в поместьях знати, в императорских и ведомственных владениях с организованным земледельческим хозяйством.

Не мешает такому заключению и тот факт, что парики одновременно с держаниями могли иметь участки земли на правах полной частной собственности. Такими были, например, парики-ипостатики в имении, описанном в Патмосской книге. Однако сравнительно с земельными участками, находившимися в держании у этих париков, их личные (собствен-

³¹ Дитаерин Г. Г. Византийское общество... С. 83.

³² Там же. С. 69.

³³ Там же. С. 83.

³⁴ Там же. С. 84.

ные) парцеллы были, по-видимому, ничтожны. Налоги с *этих парцелл* (у 48 семей) составляли всего 37 номисм.

Исследовавший практик 1301 г. Н. Зворонос пришел к выводу, что *собственные парцеллы* у париков — редкость, в рассмотренном им практике они составляли всего 2,4 % сравнительно с площадью полученных от господина *держаний*, которые имелись у *этих же* париков ³⁵.

Суть дела не в термине (как обозначить парическую аренду: держанием феодально-зависимого крестьянина или попросту одним из видов аренды). Суть дела в том, чтобы не «утопить» институт парикии во множестве иных аграрных институтов империи. Суть дела, наконец, в том, чтобы, пересматривая результаты гигантского исследовательского труда наших предшественников, аграрников-византинистов, не принизить масштабы распространения парикии и не умалить ее место в социально-экономической структуре империи.

---

³⁵ *Svoronos N.* Essais sur quelques formes de la vie rurale à Byzance: Petite et grande exploitation // *Annales.* 11-е année. Juillet-septembre. 1956. N 3. P. 335.